

О НЕЗАБЫВАЕМОМ

НОВЫЕ публикации Федора Абрамова опять о деревне, опять о стариках и старухах... Но что поделаешь? Старое не стареет. Старые люди те — пуповина, связывающая нас с прошлым.

Новые рассказы из цикла «Трава-мурава» («Север» № 1 за 1981 г.) как будто и повторяют то, что писал ранее Ф. Абрамов, и как бы отрываются от им написанного.

Все это на первый взгляд мелочи, приправа к большим романам Ф. Абрамова. Всякая там «Трава-мурава». Но недаром к «Траве-мураве» эпиграф — слова «из разговора»: «Травка-муравка, что, не знаешь? Да чего знать-то? Глянь под ноги-то. На травке-муравке стоишь...»

Да на той травке-муравке мы все стоим. Когда стог сена сметан, к нему подгребают остатки — все в дело сгодится, все в долгую зиму спасением обернуться может.

Так и «малый эпос» Ф. Абрамова. Это не мелочи. Да и написаны эти рассказы или байки (как хочешь их назови) в годы, когда и романы писались. «Траву-мураву» венчают цифры 1955—1980.

Так что к большому стогу — нелишний прибиток. Новелла о Евдокии-великомученице, вставленная в последний роман Ф. Абрамова «Дом», — оттуда же. Она, как песня, легла туда, ее из романа не вырвешь, но все же самостоятельный у нее вес, как и у каждой новеллы из «Травы-муравы». Тут и истории военные, и послевоенные, и записки из блокнота, и сюжеты, и законченные рассказы, которые как будто и выхваченный из жизни кусок — но жизнь эта уже в руках мастера побывала, мастер ее до нас и донес.

Пишется, в сущности, о былом, поминается бывшее (иногда и современность проскакивает), но такую болью отзывается на него душа, как будто это вчера было, как будто только что случилось. Ф. Абрамов вроде и памятник ваяет — памятник своему поколению и тем поколениям, что постарше — но нет окаменения в чертах — свет идет от камня, преображает камень.

Бабы, бабы... Одна краше другой, одна другой тверже и одна другой несчастливее. Только «Самая счастливая» Окулька счастлива — у нее все сыновья с фронта вернулись и муж. Бабы эти с детства в доме «за мужика». И в доме, и в поле. И на лесозаготовках. В войну весь цвет сошел с них. А мужики вернулись не работники, какое от них племя, какое потомство — изранены, искалечены. От тех отцов да матерей, наголодавшихся в войну, и дети рождались хилые, слабые. Как Надежда в рассказе «Надежда»

или Оленька в рассказе «Спасибом убил». Отец ей все «спасибо» и «спасибо» за работу, а она рада стараться — и надорвалась. С тех пор по больницам и пошла.

Читал я Ф. Абрамова и думаю — есть галерея русских полководцев в Эрмитаже, есть музей славы, всякие монументы и пантеоны, а галереи русской бабы нет. Нет памятника в лицах тем, на ком, может быть, Россия стояла и до сих пор стоит. Федор Абрамов этот памятник поставил, эту галерею создал. Русская история в этом смысле без него не обойдется.

Что скажешь о героинях рассказа «Бабилей» (журнал «Нева» № 1 за 1981 г.). Что святые они. Что не будь их, и ничего бы не было. Не было бы хлеба в войну. Не было бы и тех, кому государство российское пришлось после войны поднимать.

У одной из них руки, «как грабли», у другой — «как крюки». У третьей «щелочком разъедены до мяса», «красные». И детей вырастили и своих, и чужих (как Катерина) и свой, и колхозный скот спасли (с утра до ночи темной на работе) — а все же женщины они, красавицы.

То, что Федор Абрамов в них красавиц видит, не самообман. Не натяжка жалости и не ложь во спасение. Даже те, кто некрасив лицом или кто до срока состарился, красивы, прекрасны. Катерине пятьдесят лет, празднует она свой «бабилей» — юбилей, — но ее дочери, что из города приехали, «просто замухрыги невзрачные по сравнению с матерью, просто сухари постные против сдобной булки». А ведь «дюжина рожалась, а в живых семеро осталось», да и война, и послевоенное лихолетье — все на ней.

В минуту веселья нет ей ни на что запрета, нет ей равного ни в пляске, ни слове острым, но кончается юбилей, просыпается после пьянки Катеринин муж Гордя, садятся за стол его прижитые не от нее дети-акселераты — и сворачивается краса Катерины, вянет.

Не узнать ее на следующий день. Как будто подменили бабу. Тиха, покорна, платком повязана до бровей, «какое-то выцветшее, обвисшее на боках платьишко» на ней «с обтрепавшимся подолом, растоптанные, с обрезанными голяшками валенки на босу ногу, серый в мелкую клетку платок». Не молодка вчерашняя, огнем полыхающая, с полным ртом белых зубов, а потухшая свечка, «старуха».

НЕ МОЖЕТ понять Ф. Абрамов этого превращения, не может этой покорности Катерины снести. Ей ли покоряться? Ей ли в ноги кла-

няться Горде-пьянице да «силоратам»? У них ведь на душе ничего нет, одни пустые «рыбьи глаза».

Вопрос этот — как и вопрос «кто виноват?» — высоко поднимает Федор Абрамов. Он для него вопрос вопросов, может быть, главный вопрос.

«Я не знаю, не знаю, что мы за люди, — отвечает ему в сердцах Евстолия. — Весь век на нас какие-то прилипали да огарыши ездят. Почто? По какому праву?»

На самих себя указывают герои Ф. Абрамова. Не ищут виноватых на стороне. «Кабы мы людьми были...» Эта абрамовская укоризна обращена и на нас.

Когда Пахомовна («Памятник» — «Трава-мурава») стала помирать, дети, чтоб успокоить мать, стали говорить ей, что отгрехают на ее могиле такой памятник, что другим будет завидно. Но Пахомовна отказалась: «никаких памятников не ставьте, а положите мне на могилу плуг». Почему плуг? Да потому что она двадцать лет за ним бессленно ходила и плугом именованным наградила ее колхоз.

Плуг на могиле женщины? Плуг вместо креста? Или хотя бы пирамидки со звездочкой? Такого еще не было в русской истории.

Не было и не будет. Но не резон нам отворачиваться от того, что было. Как бы ни была горька правда, Федор Абрамов ее не подслащивает. Не успокаивает читателя: все, все хорошо. Он ему эту правду в обнаженном виде подает.

Вот рассказ о том, как человек, узнав о победе, выбросился из окна госпиталя. Не знал, с чем в новую жизнь войти: оторвало на фронте обе ноги...

Не счастье человеческих историй. А вот еще одна. «Как почитала, как любила своего мужа Татьяна Васильевна — этого и сказать нельзя.

Шестнадцать лет ей было, когда она забылась ради него, покрыла позором и себя, и отца с матерью. Приступил: отдай свою девью красу, а не то сегодня же застрелюсь. И она отдала...

А в войну? Никогда не была набожной Татьяна Васильевна, а тут кажинный вечер выстаивала... А вдруг бог есть? А вдруг молитвой можно спасти мужа?

И вот отмолила ли она у бога мужа или в рубашке оба родились — вернулся Алексей. Цел и невредим. Без единой царапины.

А через год у Алексея появился на стороне ребенок.

Татьяна Васильевна не кричала, не проклинала мужа. Она сказала ему:

— Из дому не гоню — детям отец нужен. А я тебе больше не жена.

Было тогда Татьяне Васильевне двадцать семь лет. И сдержала слово. За все двадцать два

года, что жил после этого Алексей, она ни разу не сжалилась над ним. И на похоронах вела себя, как чужая: ни единой слезы не обронила.

И такие женщины есть у Ф. Абрамова. Есть гордые, есть и жалостливые. Есть утешенные, есть и безутешные. Последних больше.

У Надежды («Надежда») вся красота в лицо ушла, а у Майки-плотника («Майка-плотник») — в руки. Хотя и статью ее бог не обидел. «Легкая, синеглазая, грудастая — не каждый день такую увидишь». Но не берут ее мужики. Потому что она сама мужик. Все умеет — и табуретку сладить, и дом построить.

«С малых лет» начала Майка «за топор хвататься». Шестеро ртов в доме, мать да малые ребятишки. Кому было заменить отца? Старшей, Майке. С тех пор и садится за стол одна. «Топор счастья бабе не приносит». Не хотим, говорят женщины, топора в кровать.

А «Поля, открой глаза»? После седьмого класса пошла в лес. «А почто в лес? А по то, что себя кормить надо да еще мелюзгу. Отец умер, нас шестеро осталось, и я самая старшая. Вот и дали мне путевку к пню — лес возить». Там и «обасурманилась», «стала гнуть матюки, как медведица дуги». «До тридцати лет жила, ни разу с парнем не поцеловалась. С худым, с мозгляком каким не хочу, а хорошие-то, где они? Хороших-то на войне поубивали...»

НЕТ НУЖДЫ пересказывать рассказы Ф. Абрамова. Они сами за себя говорят. Лишь одну черту их автора хочу отметить — постоянство. Сколько уже лет долбит Федор Абрамов в одну точку — и в точке этой боль народная. Хвалить его за это? Я и не хвалю. Есть ли писатель без правды, есть ли литература?

Федор Абрамов если и лечит, то болью. Вызывая ответную боль, он вызывает силы для отпора болезни. Он не страшится признать, что посягает на всю правду, а не только на часть ее.

В этом его достоинство и его праведность. За это и любит его слово читатель. И верит ему. Иных бог и талантом оделил, а природы не дал. Талант мастера при твердости природы — уже сила. Сила, которую и пересилить нельзя.

Слово у Ф. Абрамова не шаркающее, не заискивающее, а неподатливое, несгибаемое. Не гнется оно от тепла размягчающего (от похвал), не крошится и на холоде (когда мороз вдарит).

В слове его — и воля его. И характер.

Игорь ЗОЛУТУССКИЙ.